

С.В. Березкина

ЖУКОВСКИЙ В ДЕЛАХ ОПЕКИ НАД ДЕТЬМИ И ИМУЩЕСТВОМ ПУШКИНА

Известно, какое горячее участие принял Жуковский в делах по материальному обеспечению осиротевшего семейства Пушкина. Именно хлопоты Жуковского буквально вырвали его семью из той нищеты, в которую она, несомненно, погрузилась бы из-за долгов поэта. Казенные долги были прощены, частные оплачены Государственным казначейством, пенсии же, назначенные по высочайшему повелению, дали вдове и детям возможность для достойного существования. Так Николай I исполнил то, что обещал умирающему Пушкину: позаботиться о его детях как о своих.

Жуковский был членом Опекы над детьми и имуществом Пушкина, учрежденной 11 февраля 1837 г. Его участие в опекунских делах освещено в публикациях документов из архива Опекы и комментариях к ним Б.Л. Модзалевского, П.Е. Щеголева, П.С. Попова и др.¹ Настоящая статья написана в жанре тематического источниковедческого обзора, охватывающего те документы в делах Опекы, которые были связаны с Жуковским. При этом мы оставляем в стороне бумаги делового характера (разного рода опекунские отчеты, проекты, журналы заседаний), в которых Жуковский просто ставил свою подпись. Ссылки на архивное хранение документов и их публикацию даются в тексте статьи, что диктуется особенностями такого слож-

¹ См.: *Модзалевский Б.Л.* Описание рукописей Пушкина, находящихся в Музее А.Ф. Онегина в Париже // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 12. С. 7-47 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте: *Модзалевский 1909*); *Он же.* Архив Опекы над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина // Там же. 1910. Вып. 13. С. 90-146 (далее *Модзалевский 1910*); Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об А.С. Пушкине / Предисл. С.С. Сухонина. СПб., 1906 (далее: *Дела III Отделения*); *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. 3-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 190-194 (далее: *Щеголев 1987*); *Летописи* Государственного литературного музея. М., 1939. Кн. 5: Архив Опекы Пушкина / Ред. и коммент. П.С. Попова (далее: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5). Архивное хранение документов указано в изд.: *Данилов В.В., Султан-Шах М.П.* Документальные материалы об А.С. Пушкине: Краткое описание // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. 8. С. 5-44 (далее: *Данилов, Султан-Шах*).

ного научного жанра, как источниковедческий обзор, поскольку многие нюансы в изложении событий по архивно-ведомственным документам требуют особого внимания к деталям делопроизводства. В архивных шифрах, при наличии двух ведомственных единиц, первая относится к оригиналу, вторая – к канцелярскому отпуску.

1

По желанию Н.Н. Пушкиной опекунами над ее детьми стали гр. Г.А. Строганов (он был двоюродным братом матери Натальи Николаевны), В.А. Жуковский, гр. Мих. Ю. Виельгорский, Н.И. Тарасенко-Отрешков. Жуковский играл важную роль посредника во взаимоотношениях Опекунства с императором. Причем и Строганов и Виельгорский (оба камергеры) бывали при дворе и могли выполнять какие-то посреднические функции, однако все они были доверены именно Жуковскому, в чем можно усмотреть и его личную инициативу, и оценку опекунами его близости и, соответственно, возможностей общения с императором. Здесь Опекунство придерживалось одной и той же тактики. После того как опекуны заканчивали разработку какого-то направления своей деятельности, Жуковский писал государю очередную записку. Все его опекунские прошения увенчались успехом, что свидетельствовало не только о доброжелательном отношении государя к покойному поэту и его семье. Жуковский как опекун был в высшей степени удачлив и действовал по какому-то вдохновению. Не случайно первым письмом его к Строганову как главе Опекы было сообщение о милостях Николая I семье Пушкина с приложением копии записки императора, которая была затем приобщена к опекунским делам. Напомним содержание этого документа, важного для понимания всей деятельности Опекы: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсия и дочери по замужеству. 4. Сыновей в пажи и по 1500 р. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единновременно 10 т. р.» (ПД, ф. 244, оп. 18, № 126; см.: *Щеголев 1987. С. 191*).

Поскольку сама Опекы вела отчет своей деятельности с 3 февраля 1837 г. (это дата прошения Н.Н. Пушкиной на высочайшее имя), первое письмо Жуковского к Строганову можно датировать 3–11 февраля 1837 г. (ПД, ф. 244, оп. 18, № 127, черн., без даты; указано: *Модзалевский 1909. С. 31; см.: Щеголев 1987. С. 192*).

Милостивый Государь

Г<раф> Григорий Александрович.

Имею честь препроводить к Вашему Сиятельству копию с собственноручной записки Государя Императора, которую я имел счастье получить от Его Величества. В ней означены Его милости, которыми благоутодно было нашему великодушному монарху осчастливить семейство покойного Пушкина. Сия копия должна храниться как документ при бумагах Опек. Оригинал же, мне драгоценный, сохранию у себя.

Примите уверения в истинном почтении и преданности, с коим честь имею быть В<ашего> С<иятельства> .

П<окорнейший> с<луга Жуковский>.

Одна из функций в деятельности Жуковского как опекуна была связана с получением денег из Государственного казначейства во исполнение высочайшей воли о милостях семейству Пушкина¹. 18 февраля Строганов удостоверил в письме к Жуковскому получение от него 10 тысяч рублей, которые представляли собой единовременное вспоможение вдове поэта (ПД, ф. 244, оп. 18, № 132, 259, л. 5 (отпуск); указано: *Модзалевский 1908*. С. 38; напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 351, по отпуску). Как следует из документов Опек, все эти деньги Строганов передал Н.Н. Пушкиной, не взяв из них ничего в качестве возмещения тех расходов по погребению, которые он взял на себя в условиях ее полного безденежья².

2

После учреждения Опек первым ее делом был вызов кредиторов Пушкина. Государственное казначейство определило девятимесячный срок для определения суммы частных долгов Пушкина. Однако вскоре стало ясно, что столь длительный срок опекунству не требуется. 25 апреля 1837 г. Строганов сообщил Жуковскому о том, что сведения собраны и определена общая сумма долга (ПД, ф. 244, оп. 19, № 59, л. 20–21; напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 7). Основываясь на этом письме, Жуковский обратился с ходатайством к Нико-

¹ За исключением того, что было связано с пенсионерами лично Н.Н. Пушкиной и детям. В отсутствие Пушкиной в Петербурге деньги получала ее тетушка Е.И. Загряжская, старая фрейлина, стараниями которой Пушкин, несомненно, и был сделан камер-юнкером.

² Ср. мнение П.С. Попова, который полагал, что «данных о том, как посчитались между собой Н.Н. Пушкина и Г.А. Строганов <после передачи ему денег из казны>, не имеется» (*Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 350).

лаю I об отпуске средств для оплаты долгов Пушкина. Известны только черновики (всего пять), предшествовавшие записке Жуковского на высочайшее имя, причем с разницей в запрашиваемой сумме, простиравшейся до десяти тысяч рублей. Среди бумаг из архива Опекы были напечатаны две такие черновые записки, датируются они 25 апреля – 1 мая 1837 г. (ПД, ф. 244, оп. 19, № 59, л. 16 (рукой Жуковского), 17 (писарская копия, в другой редакции, с правкой Жуковского); напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 8–9); в ряду пяти вариантов записки последней по времени была копия на л. 17, в которой запрашивалась сумма в размере 92 500 руб. Здесь она, однако, была вычеркнута Жуковским, хотя впоследствии именно эту сумму выделило Опеке Государственное казначейство (значит, именно она и значилась в прошении Жуковского на высочайшее имя).

В бумагах поэта сохранились еще два варианта записки Жуковского о долгах Пушкина, один из которых в описании архивных материалов ошибочно отнесен к февралю 1837 г. (см.: *Данилов, Султан-Шах*. С. 36 (№ 251); ПД, ф. 244, оп. 18, № 172, л. 1 об. – фраза «Опека собрала надлежащие о них <долгах> сведения и имеет счастье представить В. И. В. их роспись» с несомненностью указывает на конец апреля как время написания этого текста); другой черновой автограф: ПД, ф. 244, оп. 18, № 124 (указано: *Модзалевский 1909*. С. 35). Наконец, сохранился в архиве Жуковского еще один документ – чистая писарская копия, которую упомянул в описании онегинского собрания Б. Модзалевский (Там же. С. 36; ПД, ф. 244, оп. 18, № 131); в ней долги Пушкина определяются суммой 84 447 руб. Именно по этой копии переписывалась записка на л. 17 опекунского дела (см. выше), которую потом всю исчеркал Жуковский, вписав в текст другую, большую сумму. Сведений об ее оригинале, повторим, в печати не имеется.

В прошении на высочайшее имя о долгах Пушкина Жуковский объяснил позицию Опекы относительно «имения отца», упомянутого в записке Николая I. Этот пункт, по его мнению, попал в записку по ошибке: сразу же после смерти Пушкина Жуковский думал, что его повезут хоронить в Михайловское, которое, как он полагал, принадлежало отцу и было опутано долгами по залогам в Опекунском совете¹. Между тем Михайловское после смерти Н.О. Пушкиной в 1836 г.

¹ См.: *Березкина С.В.* «Заложенное имение отца очистить от долга...» // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2002. Вып. 28. С. 242–248.

унаследовали ее дети (в том числе покойный поэт), и оно было чисто от ипотечных долгов. А вот на Болдине, имении отца, действительно лежал долг поэта по залогоу в 1831 г. части имения в Опекунском совете. Поскольку С.Л. Пушкин в 1830 г. предоставил своему старшему сыну деревню Кистенево (точнее, часть ее) лишь в пожизненное пользование, то после его смерти долг перешел на отца, которому и пришлось его платить. Несмотря на желание С.Л. Пушкина оставить в силе этот пункт высочайшего повеления, Жуковский, от лица Опеки, выразил мнение о ненужности «очищения от долгов» принадлежавшего отцу имения. Фактически Опека тем самым устранилась от долга на поэте по Опекунскому совету, оставив за собой лишь частные долги. Все юридические основания были на стороне Опеки, хотя, с другой стороны, долг А.С. Пушкина в Опекунском совете вполне можно было подвести под пункт царской записки «заплатить долги». Конечно, С.Л. Пушкин был этим очень недоволен, но виноват был он сам: если бы он подарил сыну Кистенево, то платить в Опекунский совет пришлось бы Опеке над детьми и имуществом Пушкина (правда, при этом имение перешло бы к его детям).

Жуковский как опекун, конечно же, не занимался выплатой долгов Пушкина, однако иногда и ему приходилось прибегать к связанным с ними делам. Справедливость одного из долгов Пушкина, не учтенного к моменту обращения Опеки к императору и поэтому оплаченного не за казенный счет, засвидетельствовал Жуковский, который сделал на письме Н.Н. Пушкиной к Строганову от 22 апреля 1838 г. приписку (адресатом ее был, несомненно, Строганов, который поставил затем на письме резолюцию: «выдать»): «Долг Нащокину, о коем упоминается в сем письме, мне известен, и его следует заплатить без всякого прекословия. Дейст. Стат. советник Жуковский. 1838. Апрель 22» (ПД, ф. 244, оп. 19, № 125, л. 306; напечатано: *Модзалевский 1910*. С. 132; *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 147).

3

Идея издания полного собрания сочинений Пушкина¹ принадлежала Жуковскому. Он связывал с ним обеспечение осиротевших детей поэта, и надежды его, надо признать, вполне оправдались. Сразу же после смерти Пушкина Николай I написал о своем решении под-

¹ *Пушкин А.С. Сочинения*. СПб., 1838–1841. Т. 1–11 (1838. Т. 1–8; 1841. Т. 9–11).

держат материально это начинание, и Жуковский принялся за работу над ним. История выхода «посмертного» собрания сочинений Пушкина подробно освещена в публикации опекунских документов и комментариях к ним П.С. Попова¹. В настоящей работе мы постараемся обозначить тот курс, по которому Жуковский как «мудрый кормчий» вел этот корабль, обходя многочисленные рифы и отмели, способные погубить его. Можно смело сказать, что в 1837 г. в правительстве были люди, не симпатизировавшие этому начинанию: во-первых, начальник III Отделения гр. А.Х. Бенкендорф, а во-вторых, министр народного просвещения С.С. Уваров. Бенкендорфа раздражало новое издание произведений Пушкина, в особенности же еще не опубликованных, Уварова же вдохновляла ненависть к поэту, задевшему его в одной из своих сатир. Все это создавало очень сложный клубок отношений, в котором далеко не все было объяснено П.С. Поповым и, несколько ранее, П.Е. Щеголевым.

2 февраля Жуковский представил Бенкендорфу подготовленные им «объявления» об издании журнала «Современник» и полного издания «уже известных» сочинений Пушкина (на этом этапе о ненапечатанных произведениях он упоминать не стал). В письме Жуковский просил Бенкендорфа немедленно представить «объявления» государю (ПД, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 181–183; напечатано: *Дела III Отделения*. С. 173–175). Это было сделано, и царь своей резолюцией определил путь к осуществлению предприятия: «Цензура под личной ответственностью М<инистра> Просвещения (это об издании журнала. – С.Б.), а напечатание всех сочинений тем же порядком, по рассмотрении Уварова» (ПД, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 184; напечатано: *Дела III Отделения*. С. 176). Уже 4 февраля Жуковский получил от Бенкендорфа письмо, в котором, со ссылкой на высочайшее распоряжение, говорилось о цензуре в «установленном порядке», но не упоминалось о «личной ответственности» министра просвещения (ПД, ф. 244, оп. 18, № 211; оп. 16, № 10, л. 187 (отпуск); напечатано: *Дела III Отделения*. С. 179). Уварову же Бенкендорф сообщил о распоряжении императора «в полном формате» («под особенным наблюдением Вашего Превосходительства»), что, конечно же, отвечало видам Уварова (ПД, ф. 244, оп. 16, № 86, л. 2; № 10, л. 186 (отпуск); напечатано: *Дела III Отделения*. С. 178). «Его Величество, –

¹ См. раздел «Организация посмертного полного собрания сочинений Пушкина» в изд.: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 159–266.

сообщал 6 февраля министр просвещения председателю С.-Петербургского цензурного комитета кн. М.А. Дондукову-Корсакову, – равномерно изъявил свое согласие на полное издание, также в пользу детей г. Пушкина, всех донныне известных его сочинений в стихах и прозе с тем, однако же, чтобы напечатание оных произведено было не иначе, как в надлежащем рассмотрении их Цензурою, под особенным моим наблюдением. <...> Покорнейше прошу – когда сочинения Пушкина поступят в Цензуру для одобрения к печати, – меня о том уведомить, для надлежащего с моей стороны распоряжения» (ПД, ф. 244, оп. 27, № 23, л. 14; оп. 16, № 86, л. 4 (отпуск)).

III Отделение настолько озаботилось возможностью появления в печати пушкинского издания, что обратилось 13 февраля 1837 г. к М.А. Балугьянскому с предостережением «на случай, если сочинения покойного Пушкина представлены будут для напечатания в типографии II-го Отделения Собственной Его Величества Канцелярии»; в письме указывалось, что «напечатание оных», согласно воле императора, возможно лишь «по надлежащем рассмотрении их цензурою, под особым наблюдением Министра Народного Просвещения» (ПД, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 191 (отпуск). Напечатано: *Дела III Отделения*. С. 183). В 1834 г. в типографии II Отделения была напечатана Пушкиным «История пугачевского бунта», причем делалось это «по разрешению Правительства» (т. е. царя), без министерской цензуры. Письмо от 13 февраля 1837 г. показывает согласованность действий Уварова и Бенкендорфа, которые готовили для издания Пушкина ловушку в виде цензуры Министерства народного просвещения.

4

Между тем начался разбор пушкинского архива, вошедший в историю пушкиноведения как «посмертный обыск»¹ и ставший этапным событием в подготовке задуманного Опекой издания. Он был начат 7-го и окончен 25 февраля 1837 г. Поручение разобрать бумаги Пушкина Жуковскому Николай I дал 28 января. Оно приобрело фискальный характер после того, как было объявлено, что разбор будет производиться при начальнике штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельте. Стало ясно, что Жуковскому здесь отводилась роль «понято-

¹ См. о нем: *Цявловский М.А.* «Посмертный обыск» у Пушкина // *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 276-356.

го». Обиду по этому поводу Жуковский выразил в письме к императору, написанном около 17 <?> февраля 1837 г., где упомянул о своем первоначальном намерении отказаться от предназначенной ему роли. Настойчивость в обсуждении предполагаемого хода осмотра пушкинского архива, проявленная Жуковским в двух письмах к Бенкендорфу от 5 февраля, а затем еще 6 февраля 1837 г., несколько изменила навязываемые властями условия, однако они оставались для Жуковского крайне тягостными.

Работа в пушкинском архиве, даже бок о бок с Дубельтом, имела прагматичный смысл для Жуковского как составителя «посмертного» собрания сочинений Пушкина. В кратчайшие сроки им были выявлены ненапечатанные художественные тексты Пушкина, рассмотрен план задуманного поэтом в 1836 г. собрания сочинений, который определил структуру «посмертного» издания и распределение в нем произведений по жанрам. Был и еще один важный итог «посмертного обыска» в бумагах Пушкина: среди них не оказалось ничего противоправительственного, «вольнодумственного», короче, либерального в том негативном значении, который был важен для Николая I и его ближайшего окружения. Об этом в конце февраля – начале марта 1837 г. Жуковский с гордостью писал в письме к Бенкендорфу, которое намеревался, по-видимому, прочитать ему. Это письмо Жуковский и не закончил, и, соответственно, не передал адресату, но в ходе его написания в нем созрела своего рода тактика реабилитации пушкинского окружения, которое было оскорблено поведением правительства и его подозрениями в связи с похоронами великого поэта. Те, кто был близок к Пушкину и оказался в скорбные дни под пристальным вниманием жандармов, могли теперь смело утверждать: ничего противоправительственного в наследии поэта нет, а подозрения и разного рода стеснительно-охранительные меры были беспочвенными и несправедливыми.

5

Итоги «посмертного обыска» повлияли на тон обращений Жуковского в правительство в связи с новым изданием сочинений Пушкина. Если в первом проспекте издания, отправленном в III Отделение, Жуковский не упомянул вообще его ненапечатанных произведений, то впоследствии этот раздел все больше и больше расширился в планах Жуковского и не в последнюю очередь под впечатле-

нием той правоты Пушкина перед лицом государя, которую он, не кривя душой, отстаивал в ходе разного рода обращений к власти по поводу издания. Здесь можно сделать в скобках одно замечание: было бы ошибкой, если бы Жуковский, под впечатлением мгновенной обиды, отказался от участия в «посмертном обыске» в бумагах Пушкина. Жуковский не поддался эмоциональной вспышке и сумел извлечь из ситуации всю возможную пользу для Пушкина и его сирот.

Ко времени после окончания «посмертного обыска» относится одна из записок Жуковского на высочайшее имя, которую Щеголев ошибочно отнес к началу апреля 1837 г., т. е. к тому моменту, когда был окончательно решен вопрос о цензуре пушкинского издания (ПД, ф. 244, оп. 18, № 160, л. 1 (записка), 3 («Подписка на полное издание сочинений в стихах и прозе А.С. Пушкина в пользу его семейства», с резолюцией императора); см.: *Щеголев 1987*. С. 192–193). В записке речь идет о «проэkte публикации о издании сочинений Пушкина», при этом Жуковский просит «разрешения на ее напечатание». Структура издания определяется им следующим образом: «Сие издание будет состоять из 7 томов <...>. В первых шести поместятся все сочинения уже известные публике; в седьмом все неизвестные, найденные в бумагах Пушкина после его смерти»; далее дается роспись содержания семи томов. После просьбы о напечатании «проэкта» Жуковский особо говорит о не публиковавшихся ранее произведениях: «Само по себе разумеется, что из оставшихся сочинений Пушкина будет сделан выбор строгий. Все что найдется в его бумагах касательно “Истории Петра Великого”, будет мною приведено в порядок и представлено к рассмотрению Вашему Императорскому Величеству. Я желал бы немедленно сделать публикацию, дабы иметь более подписчиков. Зимние месяцы для этого самые удобные».

О какой же немедленной «публикации» говорит здесь Жуковский? Это, несомненно, проспект собрания сочинений, который был пропущен к печати цензором 23 марта 1837 г. Подписан же он был 10 марта 1837 г. четырьмя опекунами: Строгановым, Виельгорским, Жуковским, Тарасенко-Отрешковым (ПД, ф. 244, оп. 27, № 32, л. 233–240; см.: *Лет. ЛГМ*. Кн. 5. С. 172–173)¹. Если исходить из даты опе-

¹ Следует отметить, что печатный проспект издания, а также журнала «Современник» написан был, вероятнее всего, Жуковским (при участии Отрешкова). Если иметь в виду полное собрание сочинений Жуковского, то в нем печатным проспектам – «Объявлению об издании полных сочинений в стихах и прозе А.С. Пушкина» и

кунской подписи, то записку на высочайшее имя Жуковского следует датировать первой декадой марта 1837 г.¹ Только после высочайшей резолюции она могла быть ими подписана и передана в цензурный комитет. Публикация проспекта давала старт подписке на пушкинское издание.

На проспекте издания, прилагавшемся к записке Жуковского, Николай I написал: «Согласен, но с условием выпустить все, что неприлично из читанного мной в “Борисе Годунове”,² и строжайшего разбора еще неизвестных сочинений». Поскольку опекуны очень торопились с объявлением подписки, они решили ограничиться тем, что не требовало «строжайшего разбора». Поэтому в печатном проспекте говорилось об издании в шести томах, без отдельного тома с не публиковавшимися при жизни поэта произведениями.

Следует отметить, что резолюция Николая I имела некий подтекст, который позволял трактовать ее как разрешение печатать в издании все вышедшие ранее произведения Пушкина, минуя цензуру. Вряд ли это была случайность. Возможно, какой-то разговор у Жуковского с Николаем I об этом был уже в начале марта 1837 г., однако то ли он не был доведен до конца, то ли Жуковский сам не хотел по каким-то причинам в этот момент отступить от общепринятого порядка прохождения издания через цензуру. Тем смыслом, который был вложен вольно или невольно в эту резолюцию, он воспользовался спустя месяц, столкнувшись с Уваровым в вопросе об издании (об этом речь пойдет в девятом разделе нашей статьи).

К началу апреля Опеска получила из Государственного казначейства 50 000 руб. на издание сочинений Пушкина (это была безвоз-

«Известию о продолжении журнала “Современник”» – место, по-видимому, в отделе «Деловые бумаги». В основе прошедшего цензуру проспекта лежали те «объявления» о «Современнике» и пушкинском издании, которые подал 2 февраля 1837 г. Жуковский Бенкендорфу. По сравнению с ними в печатном проспекте были даны дополнения, касавшиеся распределения произведений по томам, стоимости издания и тех контор, через которые должна была осуществляться подписка и рассылка книг. За этими краткими сообщениями, важными для подписчиков, стояла огромная организационная работа опекунов.

¹ Именно поэтому мы не можем согласиться с датировкой документа (20-23 марта 1837 г.) в изд.: *Данилов, Султан-Шах*. С. 32 (№ 216).

² Впервые замечание такого рода было сделано Николаем I по поводу «Бориса Годунова» в 1826 г. В итоге из печатного текста произведения, вышедшего в 1830 г., были, как писал Пушкин Вяземскому 2 января 1831 г., «выпущены народные сцены да матерщина французская и отечественная».

вратная ссуда, которая, как это понимали с самого начала опекуны, и не должна была охватывать всех расходов по изданию). Записка на высочайшее имя о выделении средств на него была подана Жуковским 18 марта 1837 г. Этой записке, как и другим, подававшимся Опекой Николаю I, предшествовали черновые варианты, один из которых сохранился в бумагах Жуковского; в нем приводилась смета на сумму 82 928 руб. (ПД, ф. 244, оп. 18, № 162). В поданном представлении значилась уже другая сумма (66 000), при этом сообщалось: «Издание будет состоять из семи томов; в первые шесть войдут все донные изданные в свет сочинения Пушкина в стихах и прозе. Седьмой составит из его сочинений, еще неизвестных, кои найдутся в его бумагах, будут мною пересмотрены и потом одобрены Цензурою» (ПД, ф. 244, оп. 18, № 205. Л. 5–6).¹ Деньги были выданы казначейством именно Жуковскому, а затем переданы Опеке; это удостоверил письмом к нему Строганов 8 апреля того же года (ПД, ф. 244, оп. 18, № 133; оп. 27, № 32, л. 142 (отпуск); указано: *Модзалевский 1909*. С. 38; напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 179).

6

После того как из печати вышел проспект издания, опекуны обратились к начальникам ряда ведомств с просьбой о помощи в сборе подписки на него. Участие в этой работе принял и Жуковский. 27 апреля 1837 г. он направил письмо начальнику штаба Отдельного гвардейского корпуса генерал-майору П.Ф. Веймарну, в котором просил о содействии в подписке на издание (письмо поэта неизвестно). Ответ Веймарна был дан в Опеку 4 ноября 1837 г., в нем содержались сведения о весьма успешной подписке среди гвардейцев (ПД, ф. 244, оп. 18, № 177; напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 194; см. также письмо Веймарна Строганову от того же числа: ПД, ф. 244, оп. 27, № 32, л. 158). Судя по ответу Веймарну Строганова, в ноябре 1837 г. в Опеку поступило более 16,5 тыс. руб. (ПД, ф. 244, оп. 27, № 32, л. 104).

В последних числах апреля 1837 г. обращался Жуковский с подобными просьбами, судя по черновикам, и к другим видным деяте-

¹ А.С. Пушкин: Документы к биографии (1830–1837) / Сост. С.В. Березкина, В.П. Старк; Подгот. текста С.В. Березкина, И.В. Васильева, Н.Л. Дмитриева, А.В. Дубровский, Т.И. Краснобородько, А.С. Лобанова, В.П. Старк; Примеч. С.В. Березкиной. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010.

лям – министру народного просвещения С.С. Уварову и новороссийскому генерал-губернатору кн. М.С. Воронцову (см.: ПД, ф. 244, оп. 18, № 172, без даты; указано, с неверной датой: *Данилов, Султан-Шах*. С. 31 (№ 271), однако их ответы неизвестны. Мысль обратиться к Воронцову могла появиться у Жуковского под воздействием его письма с сочувственным отзывом о погибшем поэте, выписка из которого была передана ему М.И. Лексом с запиской от 25 февраля 1837 г.¹

7

В конце зимы и затем в начале весны 1837 г. Жуковским проводилась работа по выяснению важного обстоятельства: не было ли Пушкиным заключено с кем-либо из издателей условие об издании своих сочинений. Уже 9 февраля из конторы «Снегирев и К^о» пришел ответ «на циркуляр» Жуковского об отсутствии каких-либо условий с «покойным Александром Сергеевичем» (ПД, ф. 244, оп. 27, № 32, л. 12; напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 164). Потом, видимо, Жуковского отвлекли другие занятия, однако Строганов считал, что нужные разыскания не были доведены им до конца. В письме от 28 марта он предложил ему «поручить кому-либо <...> привести в известность все счета покойного с здешними и московскими книгопродавцами» (ПД, ф. 244, оп. 18, № 134; оп. 19, № 60, л. 11 (отпуск); указано: *Модзалевский 1909*. С. 38; напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 176–177). 8 апреля 1837 г. (дата определяется по одному из ответов) Жуковский отправил официальные запросы книгопродавцам Л.И. Жебелеву, В. Груписе, И.И. Бородину, М.И. Заикину (ПД, ф. 244, оп. 18, № 173, л. 1; указано, с ошибкой в дате: *Модзалевский 1909*. С. 38):

Нижеподписавшийся, предпринимая полное издание всех сочинений Алекс. Серг. Пушкина, в стихах и прозе, желает знать предварительно, не было ли сделано покойным с кем-либо письменных условий, которые могли бы служить препятствием к такому изданию, почему просит покорнейше Вас, Милостивый Государь, если такое условие у Вас находится, предъявить его немедленно к нему, в Шепелевский дворец – между 9 и 10-ю часов утра, каждый день. –

В. Жуковский

¹ См.: *Литературное наследство*. М., 1952, т. 58, с. 44.

На экземплярах этого циркулярного письма петербургскими книгопродавцами писались адресованные Жуковскому ответы: «Никакого не имею обязательства. Василий Группе» (л. 3); «Я, нижеподписавшийся, имею честь уведомить, никаких условий с покойным не имел. Книгопродавец Иван Бородин» (л. 5); «Не было никаких условий. Книгопродавец Михаил <так!> Заикин»¹ (л. 7).

Здесь Опеку ожидал сюрприз. Один из книгопродавцев ответил Жуковскому: «Читал, книгопродавец Лев Жебелев, завтрашний день с 9 часов буду у Вашего Превосходительства, для объяснения. 8 апреля 1837» (л. 1). Придя к Жуковскому, он дал следующее объяснение: «Для успешного сбыта находящихся непроданными количества экземпляров “Повестей” (издано в 1834. — С.Б.) я предложил покойному Александру Сергеевичу, чтобы к оним повестям припечатать отдельно помещенную им в “Современнике” повесть “Капитанская дочка” и издать в двух частях под названием: “Романы и повести”, на что он и изъявил свое согласие, с тем чтобы я печатал на свой счет оную повесть, для него, а израсходованную сумму на издание получил бы из вырученных денег за проданные экземпляры, и повесть желал, для скорого отпечатания, отдать в две типографии Греча и Гинца, где уже и оканчивается печатание. Лев Жебелев» (л. 9)². Издание «Романов и повестей» было полностью готово, прошло цензуру, однако в свет не вышло. От тиража сохранился единственный экземпляр, который обнаружил и описал в 1933 г. Л. Модзалевский. Он высказал предположение, что тираж был уничтожен по требованию Опеки. Так что переговоры на квартире Жуковского с Жебелевым, начатые 9 апреля 1837 г., имели серьезные последствия.

Тот же книгопродавец дал Жуковскому и сведения о продаже пушкинских изданий, которые свидетельствуют о серьезных трудностях с их сбытом и падении популярности поэта в последние годы его жизни: «В Книжную лавку Андрея Глазунова получено было от Александра Сергеевича Пушкина, в комиссию, для продажи: “Истории Пугачевского бунта”, в 2 частях, без портрета, планов и списков, сто экземпляров. Цена им была назначена, продавать за каждый экземпляр по 15 р., а платить ему по продаже по 12 руб. “Повести изд.

¹ Речь идет не о Матвее Заикине, известном книгопродавце, а Михаиле Заикине (возможно, это его брат).

² ПД, ф. 244, оп. 18, № 173, л. 9. Напечатано: *Модзалевский Л.Б.* Новые материалы об изданиях Пушкина (1831–1837) // Звенья. М.: Л., 1933. Т. 2. С. 250; см. также с. 253 (разъяснение о продаже изданий Пушкина).

А. Пушкиным”, тысячу двести девяносто четыре экземпляра, цена им была назначена за каждый экземпляр по шести руб., а платить ему по продаже по 4 р. Лев Жебелев» (л. 10).

8

Готовя издание, Жуковский вел работу с переписчиками, которым давал задание. Ко 2 апреля были переписаны те неопубликованные произведения Пушкина (всего 674 листа), «манускрипты» которых были переданы Жуковским писарю. В конце апреля – после 25-го, когда был составлен для Опекы счет – он сделал на нем расписку о том, что писарь вернул ему оригиналы: «Все сии рукописи мною получены» (ПД, ф. 244, оп. 19, № 125, л. 76 об.; напечатано: *Модзалевский 1910. С. 102; Лет. ГЛМ. Кн. 5. С. 186*). Видимо, то же участие Жуковского в делах переписывания неопубликованных произведений Пушкина следует усматривать и в тех случаях, когда в журналах Опекы, под счетами от писарей, нет его личной подписи¹. Переписчики получали от Жуковского задание и позднее, о чем свидетельствует одна из расписок Жуковского, адресованная в Опеку (датируется 10 февраля 1840 г., по соседним документам): «Писарь Провиантского департамента Военного министерства Нефед Пушкин переписывал у меня сочинение А. Пушкина 98 листов, по 50 к. за лист, составит 49 рублей и за сшивку и клейку оногo сочинения 10 р., а всего 59 рублей, выдать ему под расписку. *В. Жуковский*» (ПД, ф. 244, оп. 19, № 125, л. 504). Из этого документа следует, что перепиской пушкинского текста Нефед Пушкин занимался на квартире Жуковского.

Хранитель пушкинских «манускриптов», Жуковский, покидая Петербург, передавал их другому члену Опекы (ПД, ф. 244, оп. 18, № 176; напечатано: *Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 465*; см. также: *Данилов, Султан-Шах. С. 34 (№ 236)*: «Отъезжая за границу, почитаю необходимым передать в Опеку, учрежденную по делам покойного Пушкина, все бумаги его, донныне у меня хранившиеся. Здесь представлены две им описи. В описи под № 1-м означены оригинальные манускрипты Пушкина; в описи под № 2-м означены рукописные сочинения Пушкина, найденные после его смерти и приготовленные в копии для издания в печать. *В. Жуковский*».

¹ См.: *Лет. ГЛМ. Кн. 5. С. 176*.

Итак, организационно-финансовая работа, позволявшая начать пушкинское издание, была Опекой проведена, сочинения переписаны и распределены по томам. Теперь предстояло самое трудное – схватка с уваровской цензурой, и то, как провел ее Жуковский, говорит о его хорошем знании тех, кто окружал трон Николая I, их нравов, их методов борьбы. В этой схватке, что важно, он одержал победу.

Жуковский знал о крайне враждебном отношении Уварова к Пушкину, поэтому действовал самым решительным образом. 23 марта он подал прошение в С.-Петербургский цензурный комитет об издании сочинений Пушкина (ПД, ф. 244, оп. 27, № 23, л. 18):

В С.-Петербургский Ценсурный Комитет.

Приступая с Высочайшего соизволения Государя Императора к изданию всех уже изданных с Высочайшего разрешения сочинений покойного А.С. Пушкина, в пользу его семейства, я покорнейше прошу С.-Петербургский Ценсурный Комитет назначить для рассмотрения их Цензора, причем честь имею представить и все доселе напечатанные сочинения Пушкина в стихах и прозе.

Действительный Статский Советник Жуковский.

23 марта 1837.

На документе стоит резолюция Дондукова-Корсакова «А.В. Никитенке», которая, конечно же, была с Жуковским согласована. Из дела С.-Петербургского цензурного комитета восстанавливается дальнейший ход прошения Жуковского. 23 марта на заседании Комитета было принято решение донести министру народного просвещения С.С. Уварову, как он того и требовал, «о поступивших в Ценсуру сочинениях Пушкина» (ПД, ф. 244, оп. 27, № 23, л. 19); 24 марта ему было отправлено донесение Дондукова-Корсакова, в котором сообщалось о назначении цензором пушкинского издания Никитенко (л. 20, отпуск)¹; 27 марта был дан ответ Уварова, предписывавший «для рассмотрения полного издания сочинений покойного Пушкина назначить двух цензоров, т. е. гг. Никитенко и Крылова» (л. 21); 30 марта распоряжение министра было зачитано на заседании Комитета (л. 22). В тот же день Дондуков-Корсаков написал Жуковскому в ответ на его прошение (ПД, ф. 244, оп. 18, № 166; ПД,

¹ Подлинник донесения Дондукова-Корсакова Уварову, с его резолюцией: «Назначить двух цензоров, т.е. Никитенку и Крылова» (ПД, ф. 244, оп. 16, № 86, л. 6).

ф. 244, оп. 27, № 23, л. 23 (отпуск); указано: *Модзалевский 1909. С. 35*; напечатано частично: *Лет. ГЛМ. Кн. 5. С. 178*):

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Василий Андреевич!

Господин Министр Народного Просвещения предложил мне назначить для рассмотрения полного издания сочинений покойного Пушкина двух цензоров, т. е. гг. Никитенко и Крылова. Сделав надлежащее с моей стороны по сему предложению исполнение, долгом поставляю уведомить о том и Ваше Превосходительство.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть
Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Князь Михаил Дондуков Корсаков.

30 марта
1837 г.
Его Пре-ву
В.А. Жуковскому

Ответ был получен Жуковским лично при встрече с Дондуковым-Корсаковым (об этом упоминается в письме Жуковского к Уварову).

Инициатива с назначением, помимо Никитенко, еще и А.Л. Крылова, самого трусливого и строгого цензора комитета, исходила от Уварова и носила, несомненно, стеснительный характер, угрожая в будущем серьезными осложнениями. Понимая, в какие тенета попадет пушкинское издание с назначением Крылова, Жуковский предпринял неожиданный шаг, обратившись к императору напрямую. Опубликована лишь одна записка Жуковского на высочайшее имя, датированная им 5 апреля 1837 г. В действительности же он обратился к государю раньше, буквально сразу же после визита к Дондукову-Корсакову. В настоящей статье мы постарались восстановить цепь тех событий, которые позволили Жуковскому освободить первые девять томов пушкинского издания от пут министерской цензуры.

По-видимому, 30 марта, получив от Дондукова-Корсакова письмо, Жуковский набрасывает карандашом взволнованное письмо к Николаю I (ПД, ф. 244, оп. 18, № 164)¹:

¹ Этот автограф в архивном описании ошибочно датирован тем же временем, что и записка от 5 апреля: *Данилов, Султан-Шах. С. 33 (№ 221)*.

На объявлении о сочинениях Пушкина Вашим Им<ператорским Величеством> написано следующее: <?>.¹ Вследствие сего позволения² я представил в Цензуру полное собрание одних *напечатанных* сочинений, на кои уже открыта подписка, сообразно одобренному В<ашим> В<еличеством> объявлению. Но узнав, что к цензору Никитенко, коему передан был доставленный мною экземпляр для одобрения³, присоединен другой цензор Крылов и с тем, чтобы все напечатанные сочинения Пушкина, уже В<ашим> В<еличеством> одобренные, он бы пересмотрел снова, я, как заведывающий по в<оле> Ваш<его> В<еличества> сим изданием, признал необходимым всеподданейше испросить у В<ашего> И<мператорского> В<еличества>, чтобы Вы благоволили повелеть пропустить сочинения Пушкина в том виде, в каком они с В<ашего> соизволения уже напечатаны.

В сем случае вместо того, чтобы желать уклонения от установленного порядка, я желаю, напротив, чтобы то, что сделалось законным <порядком>, таковым и осталось. Всем известно, что В<аше> В<еличество> был цензором Пушкина, что Вы читали его сочинения в манускриптах, что делали замечания и что после Ваших <?> замечаний <?> были они поправлены! Ваш суд произнесен: кому же остается какая-нибудь возможность изменить решенное Вами? И будет ли прилично, чтобы одобренное В<ашим> В<еличеством>, было⁴ подвержено [новому] суду⁵ обыкновенных цензоров, с правом утвердить или не утвердить то, что уже раз было утверждено Вашим верховным мнением?⁶ Сверх того, если новый пересмотр сочинений Пушкина будет сделан с тем, чтобы в новом издан<ии> исключить некоторые места, могущие показаться цензорам, несмотря на Ваше одобрение, непозволенными, то эта мера (вот ее неприличие) произведет действие совершенно противное тому, какое произвести бы ей следовало. Пушкина сочинения у всех в руках; публика узнает о сделанных исключениях, и пиесы, исключенные, если такие найдутся, теперь устарелые и незаметные в числе прочих⁷, получают вдруг цену новости, на них особенно обратится любопытство читателей с злорад<н>остью превратных толков, и подписчики на новое издание все сии разности <выпишут> <?> из старых <изданий>, и

¹ См. в разделе 5 о печатном проспекте пушкинского издания.

² Вместо слов «Вследствие сего позволения» было сначала написано: Почитая это подтверждением прежних повелений, сделанных В<ашим> И<мператорским> В<еличеством> самому Пушкину.

³ Первоначально было написано: просм<отра>.

⁴ Здесь вписано сверху: хотя б частично <?> <2 слова нрзб.>.

⁵ Далее было первоначально написано: – я признаю ошибочность назначения це<нзором> Крылова с отстранением <?> честных цензоров. Сверх того замену и тем следственно.

⁶ Далее начато: Прибавлю здесь еще одно замечание. Если этот пересмотр цензуры <...>.

⁷ Вписано несколько слов (нрзб.), не зачеркнуто.

таким образом то, что теперь невинно и безвредно, приобретет по обыкновению <?> и виновность и зловерность¹.

Государь, не откажите мертвому Пушкину в том, что Вы сами сделали по указанию Вашего сердца, даровав ему, живому, в покровительстве произведениям его Гения, которые < >.

На основании этого черновика была составлена Жуковским записка на высочайшее имя. О представлении ее Николаю I он написал Дондукову-Корсакову, по-видимому, 2 апреля 1837 г. (ПД, ф. 244, оп. 18, № 169, черн.; указано: *Модзалевский 1909. С. 34–35*)²; это письмо осталось неотправленным:

М<илостивый> Г<осударь>

К<нязь> Михаил Александрович.

В ответ на письмо, коим В<аше> С<иятельство> сочли за нужное дать мне знать, что для рассмотрения полного издания сочинений Пушкина вами назначены два Цензора гг. Никитенко и Крылов, имею честь известить вас, что я уже сообщил Господину М<инистру> Н<ародного> П<росвещения> Высочайшую волю Государя Императора, мне лично Е<го> В<еличеством> изъявленную, которая состоит в том, *что все сочинения Пушкина, уже напечатанные, могут быть перепечатаны в полном издании, без нового пересмотра Цензуры*. Сообщая об этом и В<ашему> С<иятельству>, прошу вас, М<илостивый> Г<осударь>, благоволить сделать зависящее от вас для скорейшего возвращения мне поданного мною в Цензуру экземпляра, дабы смог немедленно приступить к изданию, вследствие Высочайшего на то соизволения.

2 апреля произошло объяснение Жуковского с Уваровым, который подал в связи с этим докладную записку на высочайшее имя (ПД, ф. 244, оп. 16, № 86, л. 8–9):

Генерал-Адъютант Граф Бенкендорф отношением от 5-го Февраля сего года сообщил мне, что Ваше Императорское Величество, изъявив согласие на *полное издание всех доныне изданных сочинений Пушкина* в стихах и прозе, изволили присовокупить, «чтобы напечатание оных произведено было не иначе, как по надлежащем рассмотрении их Цензурою, под особенным наблюдением Министра Народного Просвещения». – На сем основании были сделаны в то же время надлежащие распоряжения.

Ныне Вашему Императорскому Величеству благоугодно было препроводить ко мне записку Действительного Статского Советника Жу-

¹ Далее было написано: каковых в них действительно не находится.

² С неверной датировкой на документ указано также в изд.: *Данилов, Султан-Шах. С. 33 (№ 224)*.

ковского, касательно издания сочинений Пушкина, в коей содержится следующее: «Сочинения уже напечатанные пропустить, не подвергая их новому разбору; сочинения еще не напечатанные отдать в Цензуру для разбора. По установленному порядку». На сей записке изображено Собственною рукою Вашего Императорского Величества: «Нет затруднений».

Принимая к должному рассмотрению сию Высочайшую резолюцию, я полагаю предписать Цензуре: прекратить начатый просмотр печатных сочинений Пушкина, возвратитъ экземпляр оных Действительному Статскому Советнику Жуковскому.

Сергий Уваров.

3 апреля Уваров отдал соответствующее распоряжение председателю С.-Петербургского цензурного комитета: «Сочинения уже напечатанные пропустить, не подвергая их новому разбору; сочинения еще не напечатанные подвергать разбору Цензуры по установленному порядку», здесь же об отмене распоряжения о назначении двух цензоров и возвращении Жуковскому экземпляра сочинений Пушкина, представленных в Комитет для рассмотрения (ПД, ф. 244, оп. 16, № 86, л. 10; оп. 27, № 23, л. 24 (отпуск)). 4 апреля Дондуков-Корсаков отрапортовал министру о выполнении этого решения (ПД, ф. 244, оп. 16, № 86, л. 10, 11).

Что же представляет собой записка Жуковского о цензуре уже напечатанных к 1837 г. произведений Пушкина с высочайшей резолюцией и датой, подчеркнем, «5 апреля 1837 г.»? То, что Уваров в докладной записке от 2 апреля также говорит о записке Жуковского и резолюции императора, причем данной в той же самой форме («Нет затруднений»), не должно нас удивлять: это была обычная практика докладов государю, когда сначала представлялся так называемый проект записки (или доклада), а затем уже ее доработанный текст (помечавшийся довольно часто той же самой резолюцией). Новый вариант записки Жуковский готовил по писарской копии, которую правил и дописывал (ПД, ф. 244, оп. 18, № 163). В записках Жуковского, если брать в них изложение слов государя о выходе пушкинского издания, было различие: в докладной записке Уварова нет упоминания «Истории Петра Великого» (этого не было и в проекте записки Жуковского, который в беловом варианте до нас не дошел), в той же, которую Жуковский пометил датой 5 апреля 1837 г., «История» уже упоминается, а значит, для этого уточнения ему и было предложено доработать записку. В записке от 5 апреля 1837 г. Жуковский следующим образом изложил высочайшую волю: «сочинения, уже напечатанные, пропустить, не подвергая их новому раз-

бору; сочинения, *еще не напечатанные*, отослать в цензуру для разбора по установленному порядку; все рукописи, *касающиеся до истории Петра Великого*, предварительно представить Вашему Императорскому Величеству» (ПД, ф. 244, оп. 18, № 161, рукой писаря, за подписью Жуковского; напечатано: *Современник*. 1913, № 9. С. 326 (публ. Э. П. Юргенса); см. также: *Щеголев 1987*. С. 193–194). К просьбе Жуковского подтвердить эти слова Уварову (она имелась и в проекте) относится резолюция Николая: «Нет затруднений».

Получив записку с резолюцией на ней императора, Жуковский 5 апреля отправил письма с просьбой вернуть ему экземпляр уже напечатанных сочинений Пушкина, во-первых, Уварову (ПД, ф. 244, оп. 18, № 168, черн.), а во-вторых, Дондукову-Корсакову (ПД, ф. 244, оп. 18, № 169 (черн.), 170 (черн.); указано: *Модзалевский 1909*. С. 35):

Милостивый Государь

Князь Михаил Александрович.

Имею честь известить Ваше Сиятельство, что я снова представлял Государю Императору о разрешении издания в свет напечатанных сочинений Пушкина. Его Величество соизволил сказать мне лично, что моя записка о сем, высочайше утвержденная, отослана к Господину Министру Народного Просвещения, который конечно поспешил и В<аше> С<иятельство> об этом уведомить. Благоволите, Милостивый Государь, сделать нужные распоряжения для немедленного мне возвращения экземпляра сочинений Пушкина, представленного мною в Цензуру, дабы я мог тотчас приступить к началу издания.

Е<го> С<иятельству>

Дондукову-Корсакову

Несколькими днями раньше, по-видимому еще 31 марта – 1 апреля 1837 г., Жуковский написал Уварову резкое письмо, в котором выразил возмущение назначением на пушкинское издание двух цензоров (ПД, ф. 244, оп. 18, № 167, черн.; указано: *Модзалевский 1909*. С. 35; напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 178–179). Маловероятно, что оно было передано им адресату. В этом письме содержится указание на то, что Жуковский показывал Уварову свою записку о проспекте пушкинского издания (напомним: от первой декады марта 1837 г.) и резолюцию на ней Николая I (см. разд. 5). По мнению Жуковского, ее можно было трактовать следующим образом: «Нет никакого сомнения, – писал он Уварову, – что Его Императорское Величество сим соизволило на перепечатание того, что уже издано в свет, и повелел только неизданное подвергнуть строгому разбору. <...> Неиз-

данное исключено из объявленного собрания сочинений издателями <?>¹, следовательно, оно должно быть одобрено вполне <т.е. сразу и в полном объеме>». И далее: «Государь Император сам был цензором Пушкина; он сам читал его манускрипты, сам делал отметки, и Пушкин все им замеченное исправлял. <...> Вся Россия знает об этом. Прилично ли будет у ней пред глазами подвергать мнению Государя суду господ Крылова и Никитенки».

В этом письме поражает разность оценок цензорской работы над пушкинским изданием с тем законопослушным духом первого обращения Жуковского в С.-Петербургский цензурный комитет по его же поводу. В нем он просил назначить цензора для издания уже напечатанных сочинений Пушкина, здесь же – решительно протестует против этого. Как понять это противоречие? Видимо, отмена Николаем I цензуры для уже известных произведений Пушкина не была единовременным актом. Жуковский начал вести работу в этом направлении еще в начале марта, при представлении проспекта пушкинского издания. Уже тогда он сумел объяснить нечто царю, тот дал какую-то мягкую, но двусмысленную резолюцию, и Жуковский отправился к Уварову показывать ее. Уваров, по-видимому, дал какой-то уклончивый ответ, возможно, что-то пообещал, постаравшись успокоить опекуна, и только его решение по цензурному комитету о назначении Крылова сделало для Жуковского очевидной ту двойную игру, которую вел министр. Жуковский решился на протест и – одержал победу.

4 апреля 1837 г. Дондуков-Корсаков сообщил Жуковскому: «Получив от Г. Министра Народного Просвещения сообщение Высочайшего повеления о печатании всех изданных до сего времени сочинений Пушкина, без предварительного просмотра цензуры, я не нахожу препятствия к означению на нынешнем полном издании таковых сочинений, что они печатаются с Высочайшего соизволения» (ПД, ф. 244, оп. 27, № 32, л. 89; указано: *Модзалевский 1909. С. 34*; напечатано: *Лет. ГЛМ. Кн. 5. С. 177–178*). Тем не менее на всех восьми томах «посмертного» собрания сочинений Пушкина «высочайшее соизволение» не упоминалось и указывалось лишь на разрешение цензуры от 3 апреля 1837 г.

В столкновении с уваровской цензурой Жуковский буквально вырвал у нее из рук опубликованные сочинения Пушкина. Читается

¹ То есть из появившегося в печати проспекта.

эта история, с нашей точки зрения, как детектив. Это то, что зачастую исчезает из историко-литературных работ, – освещение тонких нюансов во взаимоотношениях внутри приближенного к императору круга. И только внимательное прочтение делопроизводственных документов, казалось бы уже отраженных в публикациях и комментариях к ним, позволяет обрисовать всего лишь один биографический эпизод с максимально возможной полнотой.

10

Одновременно с запиской о цензуре пушкинских сочинений Николаем I была рассмотрена еще одна записка Жуковского, которая была связана с публикацией в «Современнике» статьи Пушкина «Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до Турецкого похода 1711 года)» (1835). С просьбой о публикации статьи Пушкин обращался к Бенкендорфу в письме от 31 декабря 1835 г., но получил отказ. В статье был дан перевод (с предисловием и примечаниями Пушкина) части мемуаров гр. Ж. Моро де Бразе, изданных в 1735 г. Рассказ мемуариста о Петре I и его походе 1711 г. расходился с официальным изложением тех событий¹.

Записка Жуковского на высочайшее имя об этой статье Пушкина, на наш взгляд, неверно датирована и в архивном описании (конец февраля 1837 г.)², и в примечании к публикации ее (конец апреля 1837 г.)³. По-видимому, записку нужно отнести к концу марта, поскольку ответ на нее Жуковский получил именно в те дни, когда решался вопрос о цензуре пушкинских сочинений. О статье Пушкина Жуковский докладывал государю (ПД, ф. 244, оп. 18, № 185):

Записки Моро де Бразе были приготовлены Пушкиным к напечатанию. Не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству взглянуть на этот манускрипт, который я желал бы отдать в печать прежде своего отъезда⁴.

Жуковский.

¹ См.: Карпов А.А. «Записки бригадира Моро-де-Бразе» как произведение Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1980. С. 103-114.

² См.: Данилов, Султан-Шах. С. 32 (№ 213).

³ См.: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книге и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 369-370; публикацию документа см. на с. 209.

⁴ 2 мая 1837 г. Жуковский отправился в поездку по России в свите великого князя Александра Николаевича.

<Резолюция императора, карандашом:>

Пушкин присылал мне сии записки для прочтения, сколько припомнить могу, в прошлую зиму; они любопытны, но может быть ценсура кое-что не пропустит, почему полагаю нужным туда и препроводить.

По-видимому, 2 апреля 1837 г. Жуковский обратился по поводу статьи Пушкина к председателю С.-Петербургского цензурного комитета (ПД, ф. 244, оп. 18, № 169, л. 1 об., черн., все перечеркнуто; указано: *Модзалевский 1909. С. 34–35*):

[Прилагае<мый> при сем манускрипт записок Моро де Бразе, переведенных Пушкиным, был мною представлен Государю Императору, как то увидите из собственноручной надписи Его Величества на записке моей, которую сообщаю В<ашему> С<иятельству> и прошу мне возвратить. Манускрипт же прошу Вас благоволить отдать для прочтения цензору Никитенке. Обращаюсь с этой покорною просьбою прямо к В<ашему> С<иятельству> для того, что по причине скорого отъезда желал бы, чтобы мне поскорее был возвращен сей манускрипт.]

Дондуков-Корсаков ответил на это Жуковскому 4 апреля 1837 г. (ПД, ф. 244, оп. 18, № 171):

Милостивый Государь
Василий Андреевич!

Спешу доставить к Вашему Превосходительству отношение, касающееся печатания полного издания сочинений покойного Пушкина, и, возвращая письмо Ваше о Записках *Моро де Бразе*, имею честь уведомить, что рассмотрение их, согласно желанию вашему, поручено мною цензору Никитенке.

С отличным почтением имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

Князь Мих. Дондуков-Корсаков

1837

Апреля 4 дня

Статья Пушкина была напечатана в шестом томе журнала «Современник» с многочисленными цензурными купорами. Сама ее публикация, однако, стала возможна лишь благодаря положительному в целом отзыву императора. Цензурное разрешение на шестой том было дано 2 мая 1837 г.

Поездки Жуковского с наследником по России и затем по Европе в 1837–1840 гг. делали невозможным его участие в делах Опекы, но, по возвращении в Петербург он активно включался в ее деятельность. В марте 1838 г. (без означения числа) Строганов направил Жуковскому письмо, в котором просил изъяснить благодарность «друзьям Александра Сергеевича», занимавшимся изданием «Современника», «за участие <...> оказанное ими к увеличению капитала, в пользу семейства Пушкина составляемого» (ПД, ф. 244, оп. 18, № 136; указано: *Модзалевский 1909*. С. 38; точно такое же письмо, но с адресацией В.Ф. Одоевскому, напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 208).

Во время поездок Жуковский обменивался письмами со Строгановым, но из их числа почти ничего до нас не дошло. 8 марта 1839 г. Отрешков отправил Жуковскому письмо Строганова (оно неизвестно), сопроводив его кратким сообщением о делах Опекы (ПД, ф. 244, оп. 18, № 144):

Вообще они идут порядочно. Из прилагаемой у сего краткой ведомости, извлеченной из годового Отчета за 1838 год, изволите усмотреть состояние сумм <по изданию>. <...> Государю Императору угодно было приказать продолжать по-прежнему представлять на рассмотрение Его Величества посмертные сочинения Пушкина, прежде чем они будут подвергнуты печатанию. Мы воспользовались этим только в отношении «Каменного Гостя» и одной главы романа, – писес. проданных при Вас Смирдину¹. Печатание же собрания посмертных сочинений Пушкина я, с своей стороны, полагал бы приостановить до возвращения Вашего и Графа Михаила Юрьевича «Висльгорского».

Одно из направлений в работе опекунства было связано с защитой наследия поэта от публикаций, не приносящих дохода детям Пушкина, или же другого рода использования его текстов. Разрешение на инсценировку появившейся на страницах «Современника» в 1837 г. «Русалки» Пушкина было дано Строгановым по просьбе Жуковского в письме к нему от 16 марта 1838 г. (ПД, ф. 244, оп. 18, № 135; оп. 27, № 32, л. 219 (отпуск); напечатано: *Модзалевский 1910*. С. 130–131; *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 206–207). Автором инсценировки

¹ Имеются в виду публикации произведений Пушкина в альманахе «Сто русских литераторов» (СПб., 1839), изданном А.Ф. Смирдиным. «Одной главой из неоконченного романа» был назван в нем отрывок ««Гости съезжались на дачу...»» (1828–1830).

был известный трагик В.А. Каратыгин, премьера ее состоялась в Москве в мае 1838 г.

Сложная ситуация возникла в связи с издававшимся П.А. Плетневым «Современником». От знакомых Пушкина к нему поступали его ненапечатанные стихи, однако их публикация встретила со стороны Опеки негативную реакцию. В письме от 18 января 1839 г. Строганов, перечислив эти публикации «Современника», указал Жуковскому на то, что Плетнев ссылается на разрешение, им данное (ПД, ф. 244, оп. 27, № 32, л. 466–467 об. (черн. отпуск); напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 230–231)¹. В бумагах Жуковского действительно сохранилось письмо Плетнева от 27 февраля 1838 г., в котором содержалось сообщение о поступлении к нему через Соболевского неизвестных в печати стихов Пушкина и вопрос о том, как отнесется Опека к журнальной их публикации (ПД, ф. 244, оп. 18, № 186; напечатано: *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 216).

В ответном письме к Строганову от 17 / 29 апреля 1839 г., посвященном публикациям «Современника», Жуковский ответил, что права давать подобного рода разрешения он не имел (ПД, ф. 244, оп. 19, № 127, л. 11–11 об., 16; напечатано: *Модзалевский 1910*. С. 142–143; *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 235–236). При этом он постарался смягчить недовольство Строганова тем соображением, что мелкие публикации не способны повредить успеху пушкинского издания. Впоследствии комментаторы, становясь на сторону Плетнева, которого Опека, несмотря на его труды по изданию, не жаловала, а порой и просто третиговала, ставили в вину Жуковскому то, что он не упомянул о полученном им в 1838 г. письме. Справедливости ради, следует отметить, что сказать что-либо в оправдание возможного разрешения сторонних публикаций у опекуна в этой ситуации не было.

С большим одобрением в том же письме к Строганову Жуковский высказался о миссии Николая I как цензора «манускрипта» неопубликованных ранее произведений Пушкина: «Дело будет решительнее и вернее; и сочинения Пушкина будут пропущены раз навсегда и на все предбудущие издания». Здесь же была выражена готовность Жуковского «наблюдать» за выходом последних томов издания, связанная с тем, что он понимал сложности прохождения их через цензуру.

¹ О взаимоотношениях Опеки с Плетневым см.: *Модзалевский 1910*. С. 133–140; *Лет. ГЛМ*. Кн. 5. С. 216, 218, 222–223, 229–233.

Основная сложность была связана с «Историей Петра Великого». В деле Опекы «По испрошению Высочайшего Государя Императора соизволения: на напечатание посмертных сочинений А.С. Пушкина»¹ оказалась отражена история именно этого произведения Пушкина. По-видимому, Бенкендорфу было адресовано следующее обращение Жуковского (ПД, ф. 244, оп. 18, № 174 (черн.); оп. 19, № 128, л. 8 (копия):

Я имел счастье всеподданнейше испрашивать у Государя Императора позволения напечатать материалы для «Истории Петра Великого», найденные в бумагах покойного Пушкина, и представить их вместе с сочинениями, собранными по смерти Пушкина на рассмотрение в обычную Цензуру. Государь Император соизволил всемилостивейше согласиться на то и другое. Представляю при сем в оригинале мою докладную записку с собственноручною отметкою Его Императорского Величества. Надзор за корректуру при печатании материалов Истории Петра Великого берет на себя Константин Степанович Сербинович, которому в сем случае надлежит доставить и оригинальную рукопись материалов, при сем представляемую.

*Действительный статский советник
Жуковский*

«Записка о издании сочинений Пушкина, оставшихся после его смерти», которая прилагалась к этому обращению, была целиком посвящена «Истории Петра» (ПД, ф. 244, оп. 19, № 128, л. 9–10; напечатано: *Русский архив*. 1881. Кн. 3. С. 465, публ. П.И. Бартенева):

Сочинения Пушкина, оставшиеся по смерти его, собраны и скоро будут приготовлены к изданию в свет. В числе их находится рукопись, содержащая материалы для истории Петра Великого, которую я уже имел счастье представлять на рассмотрение Вашего Императорского Величества. Тогда Вы соизволили заметить, что сия рукопись издана быть не может по причине многих неприличных выражений на счет Петра Великого. Теперь манускрипт пересмотрен со вниманием и все замеченное или выброшено или исправлено. Испрашивая всеподданнейше соизволения у Вашего Императорского Величества напечатать сию рукопись, ибо исключением оной из сочинений Пушкина прибыль от издания их в пользу его детей может уменьшиться 25 000-ми рублей. Всеподданнейше испрашиваю также у Вашего Императорского Величества разрешения и о том, чтоб все собрание сих сочинений представить

¹ О составе дела см.: *Теребенкина Р.Е.* Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1969–1974 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 116.

на рассмотрение в обыкновенную цензуру, как то было уже и со многими сочинениями того же автора, напечатанными после его смерти.

Действительный тайный советник Жуковский

В опекуновском деле записка помечена «20 февраля 1840 года», но она относится, по-видимому, ко времени ее подшивки к делу. На документе сделана помета Бенкендорфа, относящаяся к 2 февраля 1840 г.

Дело содержит переписку с Сербиновичем (л. 12, 21, 22, 23), которая закончилась полным успехом в отношении цензуры, однако, как известно, подготовленная к печати «История Петра Великого» в виде, соответствовавшая цензурным возможностям того времени, не нашла издателя и осталась в рукописи вплоть до 1855–1857 гг., когда на ее основе были сделаны первые публикации П.В. Анненковым.

13

В делах Опекунства имеются документы, которые не были связаны с основными занятиями Жуковского как опекуна. Известно, что доставка томов по подписке осуществлялась неисправно и Строганову порой приходилось за содействием обращаться к полиции. В делах Опекунства сохранилось множество жалоб на задержку с доставкой томов, некоторые из них были обращены именно к Василию Андреевичу (см., например: ПД, ф. 244, оп. 27, № 32, л. 612, 716).

К 3 мая 1838 г. относится следующая записка Жуковского, адресованная Н.И. Тарасенко-Отрешкову (ПД, ф. 244, оп. 27, № 32, л. 288):

Вручителю сего покорнейше прошу выдать два экземпляра сочинений Пушкина и записать их на мой счет. Жуковский.

«Вручителем» записки был Р.Р. Родионов, который передал Отрешкову следующее письмо:

Василий Андреевич поручил мне просить Вас, Милостивый Государь, выдать мне два экземпляра *Сочинений Пушкина* для доставления по назначению. Препровождая при сем записку Его Превосходительства, я имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, приказать выдать вручителю сего вышедшие части сочинений Пушкина, а на остальные билет.

14

По-видимому, последним документом по Опекунству, полученным Жуковским, было письмо Строганова от 21 февраля 1846 г. с «Отче-

том прихода и расхода сумм по Опекунству с 3 февраля 1837 г. по 1 февраля 1846 г.» (ПД, ф. 244, оп. 18, № 146; указано: *Модзалевский 1909. С. 39*). В письме Строганов писал:

Хотя отсутствие Ваше из Отечества и лишает возможности заниматься делами Опекунства, которому Вы столь много содействовали во время пребывания Вашего в С.-Петербурге, не менее того <так!> данное при начале Опекунству направление имело желаемый успех: Опекунство сие уплатило все долги Пушкина; издало в свет полные его сочинения; содействовало из собственных сумм к воспитанию детей; приобрело покупкою в пользу малолетних село Михайловское и составило значительный наличный капитал. Зная, сколь занимательны были всегда для Вас действия Опекунства, я с особенным удовольствием препровождаю у сего экземпляр упомянутых Отчетов и копию с записки, Всеподданнейше представленной мною Государю Императору.

В отчете сообщалось о милостях, которые за весь этот период, к февралю 1846 г., были оказаны Николаем I семейству Пушкина:

Скинута с казенного долга 43 333 р. 33 к. На уплату частных долгов 92 500. На издание сочинений 50 000. Пансиона на воспитание детей 60 787 р. 35 к.

И подведен итог:

По всемилостивейшему пожалованию: итого 246 620 р. 68 к.

Из собственных сумм Опекунства добавила на воспитание детей 14 000 руб. В отчете сообщалось, что на счетах Опекунства «в наличных деньгах и в стоимости имущества» (это в первую очередь Михайловское) находилось 281 959 руб. Письмо было написано Строгановым в связи с прошением об отставке, которое он направил государю. Ответ Жуковского на это письмо неизвестен.